

УДК 82(091)
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-100-109

АВТОГЕОГРАФИЯ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА: ТРИ ТРАВЕЛОГА О ЧЕТЫРЕХ МИРАХ¹

Дарья Дмитриевна Кузина
аспирант, научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а. ketrivenia@gmail.com

SPIN-код: 6791-2011

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3645-5544>

ResearcherID: AAF-5353-2019

Статья поступила в редакцию 02.12.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузина Д. Д. Автогеография Теодора Драйзера: три травелога о четырех мирах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 100–109. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-100-109

Please cite this article in English as:

Kuzina D. D. Avtogeografiya Teodora Drayzera: tri traveloga o chetyrekh mirakh [Theodore Dreiser's Autogeography: Three Travelogues about Four Worlds]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 100–109. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-100-109 (In Russ.)

Проведен сопоставительный анализ трех книг Теодора Драйзера о путешествиях: «Путешественник в сорок лет» (*A traveler at forty*, 1913), «Каникулы индианца» (*A Hoosier holiday*, 1916) и «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser looks at Russia*, 1928). Последняя соотнесена также с изданием «Русского дневника Теодора Драйзера» (“Theodore Dreiser’s Russian diary”), осуществленным издательством Пенсильванского университета в 1996 г. История написания и издания в России книги Драйзера об СССР достаточно подробно изучена и прокомментирована современными исследователями, но попытка литературоведческого сопоставления трех книг предпринимается впервые. Представлен не только сравнительный, но и текстологический анализ травелогов, обнаружены закономерности, связывающие книги как хронологически, так и стилистически и превращающие их в своего рода автобиографическую трилогию. Исследование трех миров (европейского, американского и советского) для Драйзера оказывается неотделимо от изучения мира четвертого – мира собственного сознания. В центре исследования оказывается проблема самоидентификации Теодора Драйзера как писателя и как представителя американского общества, на становление которой влияют путевые впечатления. На основании проведенного исследования высказаны теоретические соображения, касающиеся взаимодействия понятий стереотипа и действительности в пространстве художественного текста, а также соотношения документального и художественного начал в травелогге. В статье в переводе на русский представлены отрывки из первых двух травелогов Драйзера, никогда не переводившихся и не издававшихся в России.

Ключевые слова: Теодор Драйзер; литература путешествий; литература XX века; американская литература, СССР.

Будучи уже признанным писателем, Драйзер создал три большие книги о своих путешествиях. Это – «Путешественник в сорок лет» (*A traveler at forty*, 1913), «Каникулы индианца» (*A Hoosier holiday*, 1916) и «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser looks at Russia*, 1928). Они посвящены, соответственно, трем путешествиям – в Европу, по родному штату и в СССР. Таковы три «мира»,

в которых довелось побывать Теодору Драйзеру: европейский, американский и советский. Но исчерпывается ли этими «мирами» исследование, которому Драйзер посвятил себя как писатель, путешественник и публицист?

Нам представляется, что каждая из этих книг может быть рассмотрена не только как собственно травелог, но и как составная часть автобио-

графической хроники – жанра, которому Драйзер отводил немалое место в своем творчестве. Помимо травелога, писатель выпустил также автобиографию «Книга о самом себе» (*A Book about Myself*, 1922; русский перевод был опубликован в журнале «Интернациональная литература» в 1935 г.) и автобиографический любовный роман “This Madness” («Это безумие», 1929; на русский язык не переводился). Путешествия оказывались для Драйзера не только источником впечатлений и знаний о внешнем мире, но и побудительным «толчком» для конструирования личностной идентичности, тесно связанной с его мироощущением как писателя и американца; следовательно, изучение трех реально существующих миров становится в данном случае поводом обратиться к миру четвертому и важнейшему – собственному сознанию.

Каждое из путешествий Драйзера в литературной обработке самого писателя становится этапом его духовной жизни, потому-то столь важным в травелогах является образ самого автора.

Говоря о путешествиях американских писателей драйзеровской эпохи, можно выделить три основных направления (и, соответственно, три основных типа философской и психологической мотивации) путешествия как такового (об этом см. подробнее: [Зверев 2000]). Отправляясь в Европу по маршрутам неизменного «гранд-тура» – в Италию, Францию, Германию и т. д., – американец едет на родину своих предков, с которой Америку связывают амбивалентные отношения, происходящие из поиска американской «самости». Для него чрезвычайно важно разделить «европейское» и «американское». Путешествуя же по США, американец проверяет американскую идею действительностью, и это дает ему повод задуматься как о своей родине, так и о собственном характере и собственной судьбе. Что касается поездок в страны «экзотические», то значение у них всегда разное. В статье Л. Федоровой о путешествиях граждан СССР в Америку в первой трети XX в. говорится, что для русских такие визиты были своеобразным изучением собственного отражения в зеркале – советские писатели видели в Америке торжество технического прогресса, к которому стремились в СССР, и были удивлены – почему в буржуазной Америке, а не в Советском государстве, нашли они воплощение своего идеала [Федорова 2017: 307–325]. Мы полагаем, что это был не просто феномен восприятия советскими людьми США, а некоторый этап *взаимоотношений*, безусловно, обоюдный. Два государства, в основе которых лежала идея процветающего общества, «смотрелись» друг в друга и видели два неполноценных воплощения одной и той же мечты: американцы

наблюдали в Советском Союзе становление процветания духовного, а русские в Америке – процветания материального.

Путевые книги Драйзера – писателя, чрезвычайно много размышлявшего о специфике исторической роли США и об их судьбе, – дают богатый материал для анализа путей и способов конструирования личной и социокультурной идентичности. Примечательно, что и порядок его поездок соответствовал логике движения «от старого к новому» – сначала он повидал Старый Свет, потом «постаревший» Новый (так иронизировал над Америкой XX в. Лев Троцкий [Троцкий 2001: 318]) – и, наконец, подлинный «Новый Свет» XX в. – СССР. Несомненно, все три книги Драйзера в высшей степени характерны для литературы путешествий США того периода, и вышеперечисленные особенности восприятия американскими путешественниками других стран нашли в них свое отражение.

Обращение к документальному жанру травелога было для Драйзера биографически значимо еще и в силу изначального тяготения Драйзера к документалистике и жанрам художественно-документальным. Известно, что Драйзер начинал публиковаться как репортер и в этом качестве добился известности и успеха, а самое главное – получил возможность изучить самые разные стороны жизни американского общества. Потом художественное творчество на некоторое время оттеснило документальные жанры на второй план, и книга о путешествии в Европу в 1911–1912 гг. стала первым крупным документальным произведением Драйзера за более чем 10 лет. Она открывается таким пассажем: «Мне только-только стукнуло сорок. В жизни мне довелось кое-что повидать. Я был репортером, был редактором, подвизался в журналах, сочинительствовал, а еще раньше выступал в роли всевозможных клерков с туманными обязанностями – все это понадобилось, чтобы в конце концов я понял, чем мог бы заняться на самом деле. Одиннадцать лет назад я написал свой первый роман» [Dreiser 2005: 5].

Из этого отрывка видно, что Драйзер воспринимает свой возраст как некоторый жизненный рубеж и путешествие в Европу, конечно, становится здесь дополнительной вехой – сорокалетний Драйзер вступает в новый период своей жизни. Показательно, что в связи с этим он возвращается к документалистике и как бы обретает заново свой собственный голос. Создание травелога о Европе – в первую очередь попытка с позиций обретенного жизненного и писательского опыта разобраться в себе и судьбе своей страны.

Логичным продолжением такого путешествия становится поездка в родную Индиану, повест-

вание о которой наполнено воспоминаниями о детстве и юности. Не менее личным, как мы покажем ниже, было отношение Драйзера к путешествию в Советский Союз.

**«Путешественник в сорок лет»:
роман самовоспитания**

В сознании чужеземцев любая страна бытует как некий образ, набор стереотипов. Путешествие означает взаимодействие не только с самой страной, какая она есть на самом деле, но и с условной реальностью собственных ожиданий, сформированных этими стереотипами. Для Драйзера как для писателя, всегда живо интересовавшегося обществом и социальными процессами, разделение стереотипа и сложной, многомерной реальности, за которым следует создание уже собственной версии этой реальности, воплощенной в травелоге, определяют содержание и смысл этого жанра.

Одним из следствий подобного сложного соотношения документального и фикционального в травелоге является то, что рассказывающий о путешествии превращается в его героя. Такое необычное распределение ролей представляется одной из специфических черт травелога. Пятая глава монографии Перси Адамса «Литература путешествий и эволюция романа», озаглавленная «Герой и его путешествие» и посвященная именно этой особенности жанра, открывается эпиграфом из Эдварда Айва: «Тому, кто взялся описывать собственное путешествие, волей-неволей придется превратить самое себя в героя собственного повествования» [Adams 1983: 143]. Таким героем, наполовину автобиографическим, наполовину литературным, становится в собственных травелогах и Драйзер.

Например, во время путешествия по Европе Драйзер вполне отчетливо осознает, что не только его собственной судьбой – самой литературной традицией «гранд-тура» обусловлено ощущение «жизненного рубежа» и «поиска себя». Он посмеивается над своим возрастом, нетипичным для героя романа воспитания, но и подчеркивает, что в сорок лет восприятие может быть ничуть не менее и даже более острым, чем в двадцать: «Иногда жизнь бывает удивительно щедра. Она входит к тебе и кричит: «Эй! Я хочу, чтобы ты кое-что сделал», а потом принимается разбираться с твоими проблемами и в конце концов решает их за тебя. Я так забавно себя чувствовал в то время – будто бы я стою на пороге великих перемен. Когда тебе исполняется сорок и ты вот-вот отправишься в первое в жизни трансатлантическое путешествие – это не шутки; это может стать даже более знаменательным событием, чем если бы тебе было двадцать» [Dreiser 2005: 5].

Драйзер отправляется в европейское путешествие в ноябре 1911 г. и возвращается в апреле 1912-го. Такую поездку ему посоветовал английский друг и издатель Грант Ричардс, которому посвящена книга и который фигурирует на ее страницах под именем Barfleur, – Ричардс как раз собирался в Англию и предложил Драйзеру составить ему компанию. Драйзер в это время занимался исследованием жизни Чарльза Йеркса – американского финансиста, ставшего прототипом главного героя «Трилогии желаний». В последние годы своей жизни Йеркс принимал участие в развитии системы подземных железных дорог в Лондоне, и Драйзер надеялся именно там побольше узнать об этом периоде его биографии. Ричардс помог Драйзеру заключить с издательством “Harper and Brothers”, в 1911 г. опубликовавшим в Лондоне и Нью-Йорке роман «Дженни Герхардт», договор на аванс за следующий роман «Финансист», а с издательским домом “The Century Company” – на публикацию нескольких очерков о европейской поездке. За пять месяцев Драйзер побывал в Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Германии, Голландии и Бельгии, и уже в январе 1912 г. у него была готова подборка очерков о путешествии. Отдельной книгой они выходят через два года после начала самого путешествия: в ноябре 1913-го. Такой длительный перерыв может быть объяснен тем, что Драйзер был поглощен окончанием романа «Финансист» и его публикацией, а также работой над следующей частью «Трилогии желаний», которую начал сразу после выхода первой [A Theodore Dreiser Encyclopedia 2003: 377].

Помимо интересов культурологических и писательских, Драйзером в этой поездке движет стремление предельно личное: отыскать в Германии город Майен, откуда был родом его отец. В Майене Драйзер находит «не тронутую прогрессом» «патриархальную» Германию и, сознавая типичность этого городка, все же позволяет себе увидеть в каждой его детали особое, символическое очарование. Для него это город прошлого – и поэтому он не раз с облегчением упоминает о том, что его не коснулась современность. Центральным эпизодом посещения Майена становится прогулка по кладбищу (вполне в рамках литературной традиции предромантизма), завершающаяся рассуждением о жизни и смерти.

При этом взаимосвязи между Америкой и Германией интересуют Драйзера и в общем – хотя, как он признавался в интервью М. Мозес [Theodore Dreiser: Interviews 2004: 24–29], ему трудно делать какие-либо выводы о стране, которая для него в первую очередь является родиной его предков. Сопоставление американского и немецкого в самом дневнике имеет характер не

только автобиографический, но и обобщенный: «Сегодня говорят, что американцы походят куда более на немцев, нежели на англичан, но из того, какие типы доводилось мне видеть в Англии, я заключил, что многообразием своих характеров американцы обязаны именно этой земле», «У нас нет даже близко ничего общего с немцами, от которых, казалось бы, нам следовало бы почерпнуть все главные черты нашей национальной идентичности» [Theodore Dreiser: Interviews 2004: 24–29].

Рассуждения о национальной идентичности американцев в европейском травелоге занимают центральное место: роль, которую берет на себя Драйзер – не просто типичный американец, но и носитель и выразитель самого американского духа; человек, который едет в Старый Свет, горячо любя США, – в отличие, например, от Генри Миллера или представителей «потерянного поколения», многие из которых десятилетием позже покидали «бездушную» «материалистическую» Америку с облегчением.

Именно здесь наметился образ Драйзера как «литературного пророка Америки», который потом начал укрепляться и за счет того, как этого писателя воспринимали другие. Уже в середине 10-х гг. некоторые журналисты, бравшие у Драйзера интервью (например, Монтроуз Мозес в интервью для “New York Times Review of Books” от 23 июня 1912 г. [ibid.] или репортер газеты “Philadelphia Public Ledger”, опубликовавший интервью с Драйзером в выпуске от 26 апреля 1914 г. [ibid.: 45–46]), и критики, писавшие о нем (например, Шервуд Андерсон в “The Little Review”: «Драйзер стар – он очень, очень стар. Понятия не имею, сколько он уже прожил – тридцать лет, пятьдесят лет – но он ужасно стар. <...> Тяжел, тяжел шаг Теодора. Чего проще: разворошить его книжки, растащить на кусочки – и позубоскалить над ним. Там, там, там! – вот он идет, Драйзер, грузный и древний!» [The Little Review 1916: 7]), – все они стремились создать у читателя впечатление, что речь идет о человеке необыкновенном; человеке, которого всегда распознаешь в толпе. Позже, описывая путешествие Драйзера по СССР, Рут Кеннелл прямо называет его «пророком» [Панов, Панова 2015]. Забегая вперед, отметим: то, как вдумчиво и старательно изучал Драйзер советскую действительность, явилось следствием не только его любознательности, но и уверенности в своей особой миссии. «Ни в какой санаторий я не поеду, а поеду в Россию. Может, здоровье мое и плохое, но, знаете, я смерти не боюсь» [Драйзер 2018: 17], – патетически отвечает он на увещевания врачей, запрещающих ему ехать в Россию зимой.

В 1912 г. Драйзеру еще только предстоит написать «Американскую трагедию», просла-

вившую его на весь мир, и он много размышляет о том, в чем состоит уникальность его писательского голоса, какую тематику он призван осветить в литературе. В Европе он находит те же социальные проблемы, с которыми сталкивался в Америке и которые считал своим долгом выводить в собственных сочинениях. Он вспоминает любимых европейских писателей – Джордж Элиот, Теккерей, Флобера, – пытаясь определить, продолжателем чьей линии в литературе его можно было бы считать, и в связи с этим упоминает о Диккенсе и о Гете [Dreiser 2005: 42]. Серьезность, с которой он относится к своей роли обличителя социальной несправедливости, Рут Кеннелл, с которой он познакомился спустя 15 лет, подвергла едкому сомнению: «Его философия – это философия интеллектуального аристократа. Воображая себя сверхчеловеком, он с безопасной высоты спокойно взирает на жалкую жизнь масс. Приходится констатировать, что хотя Драйзер вышел из глубин беднейшего населения и карабкался кверху весьма медленно, он смотрел на трагедии оставленных внизу все более и более спокойным оком, испытывая, быть может, чисто отвлеченную жалость к их несчастному положению» [Панов, Панова 2015].

И действительно: больше всего, как следует и из книги и из интервью, Драйзеру понравился в Европе дух того самого «неисправимого индивидуализма», своей склонности к которому писатель потом и не пытался скрывать. Это внутреннее противоречие, как видно, было одним из важнейшим свойств его представления о самом себе.

Фрагменты, в которых Драйзер рассуждает об Америке или о себе, очень красноречивы и эмоциональны. В остальном же Драйзер – автор европейского травелога – пишет витиевато и тяжеловесно, полагает обязательным делать подробные зарисовки об общепринятых «туристических объектах». Европа вызывает у Драйзера интерес скорее интеллектуальный; путешествуя по городам Англии, Франции, Италии, он будто бы перебирает и отстраненно разглядывает открытки. Строгая последовательность повествования усиливает это чувство: перед нами еще не тот Драйзер, которого Рут Кеннелл упрекала за «бессвязность» его книг о путешествиях [там же]. При этом Г. Л. Менкен отзывался о европейском травелоге так: «Книга не имеет ничего общего с тем, к чему мы привыкли; она полна литературной новизны, проливает свет на многие неясности, – словом, ее даже можно было бы счесть еретической. Она совсем не похожа на обычные путевые заметки: это не столько описание мест и людей, сколько рассказ о том, какое влияние встреча с ними оказывает на человека необыкновенного, отчасти даже чудаковатого. Тот, кому романы

Драйзера понравились, прочтет ее с удовольствием. Эта книга, в каком-то смысле, – вольный комментарий к его романам, эдакий «эпилог в миру». Она помогает составить представление о философии Драйзера, о его взглядах на жизнь» [Dreiser 2017: 10279].

В этой оценке самым важным нам представляется указание на глубинное родство художественных произведений автора и его травелога. Менкен также подчеркивает, что главным в «Путешественник в сорок лет» является не описание увиденного, а рассказ о собственных реакциях на это. В «Каникулах индианца» Драйзер продолжает развивать эту линию, что фактически превращает эту книгу в очередной автобиографический роман.

«Каникулы индианца»: пейзаж как автопортрет

В августе 1915 г. друг Драйзера, художник Франклин Бут, предлагает ему отправиться в автомобильную поездку по Индиане и окрестным штатам и Драйзер решает посетить города своей юности: Терре Хот, Винсеннес, Салливан, Варшаву, Блумингтон – и написать об этом книгу. Как он сам признается на первых же страницах своего травелога, идея такой поездки и такой книги давно не давала ему покоя [Dreiser 1997: 21]. Дуглас Бринкли, автор вступления к изданию «Каникул индианца» 1998 г., полагает, что этой книгой, сам того не подозревая, Драйзер повлиял на формирование и появление такого чисто американского жанра, как *highway literature*, или *road book*, ставшего потом очень распространенным не столько даже в литературе, сколько в кино (роуд-муви) [Brinkley 1997: 3].

Если в европейском травелоге Драйзер отправляется на поиски исторической родины в Германию – и этому уделена лишь малая часть текста, – то в «Каникулах индианца» тема исследования истоков собственной личности является основной. Возвращение в городок детства (в первой книге – отцовского, во второй – своего собственного) является одним из кульминационных эпизодов обеих книг. Посещение мест, практически не изменившихся за тридцать лет, заставляет Драйзера дать оценку тому, как он сам прожил эти годы, и постоянные переключения между реальным временем путешествия и временем воспоминаний приводят к тому, что травелог утрачивает линейность и превращается в поток ассоциаций и даже фантазий. Такая «импрессионистичность» сообщает повествованию особый лирический, душевный тон и приближает его, при всей остроте затронутых в нем социальных вопросов, к литературной традиции «сентиментального путешествия».

Важно понимать, что поездка в Индиану и написание травелога пришлись на самый разгар литературной борьбы, разразившейся вокруг романа «Гений», также наполовину автобиографического. Важной его темой является становление художника. Опять-таки перед нами роман воспитания XX в. – «Американская трагедия», кстати говоря, тоже окажется чрезвычайно близка к этому жанру. Превратности успеха – одна из постоянных драйзеровских тем, что безусловно связано с его биографией. Неудивительно, что, путешествуя по местам своего детства, он так много размышляет о том, что определило специфику его судьбы [Dreiser 1997: 230–231]. Написав уже множество художественных произведений на эту тему, он может оценить как литературного героя и самого себя.

При этом такое путешествие, само по себе, – это и продолжение «поиска Америки». Во время европейского путешествия, осознав себя как подлинного американца и писателя, которому надлежит выразить в своих произведениях американский дух, Драйзер продолжает рассуждать об американском национальном характере и уже со знанием дела противопоставляет друг другу две стороны света. Энергичность, прямоту, зачастую примитивность американца Драйзер напрямую ассоциирует с некоторой стихийной силой, бескомпромиссной логикой роста, свойственной самой природе. Главная особенность американского характера – то, что он пребывает в состоянии формирования и потому не считается ни с какими правилами, его не трогают ничтожные условности, которыми так увлечено европейское общество. Эта созидательная энергия, которую не способны задуть ни социальная несправедливость, ни бедность, ни невежество (наличие которых в несовершенном американском обществе Драйзер не только не отрицает, но постоянно подчеркивает), это умение и желание вступать в борьбу пленяют его, и именно их он делает ведущими характеристиками большинства своих персонажей. Он признает, что основные американские ценности, главным образом идея свободы личности и права каждого на жизненные блага и успех, – порождение европейского развития мысли, но полагает, что практическим продолжением этих идей является именно американская модель человеческой судьбы.

Воскликая: «Мои дорогие, неотесанные, упертые мечтатели-американцы! Как я люблю их! И необъятные просторы от Атлантики до Тихого океана, собирающие их в тесный круг, и все их надежды! Как они поднимаются по утрам, как спешат, как бегут за солнцем!» [ibid.], Драйзер входит в поэтический раж, и его книга оказывается созвучна грезам героя романа «Спрут», меч-

тавшего сочинить эпическую поэму о Западе. Сравнивая Америку с «тощим юношей», которому еще предстоит многого добиться [Dreiser 1997: 61], или пылко рассуждая о том, что американцы – народ, не знавший рабства [ibid.: 17], Драйзер использует известные еще со времен Мелвилла и Уитмена литературные клише, которые он иллюстрирует очерками вполне конкретных городов и местностей вполне конкретной исторической эпохи. Таким образом, он «достраивает» уже существующий литературный образ своей родины, а не создает его заново.

«Будущее Америки», о котором рассуждает Драйзер, вот-вот наступит: Первая мировая война меняет соотношение политических сил в мире и Америка действительно начинает постепенно занимать главенствующее положение в экономике и политике. Драйзеру удается запечатлеть Америку буквально в последние годы ее старой жизни.

«Драйзер смотрит на Россию» и «Русский дневник»: соло на три голоса

Дневник пребывания в СССР, написанный более 10 лет спустя, отличается от первых двух травелогов куда более необычной историей создания. В октябре 1927 г. Драйзер получает приглашение посетить Москву в дни празднования 10-летия Великой Октябрьской революции. Драйзер, вопреки тому, что именно в это время ухудшается состояние его здоровья (он страдал бронхитом), принимает приглашение, но не довольствуется официальными мероприятиями и визитами, а настаивает на том, чтобы побывать помимо Москвы и Ленинграда в других городах, в разных частях России и познакомиться с жизнью советского общества поближе (подробнее об этом периоде его жизни можно прочесть у У. Свонберга, биографа Драйзера [Swanberg: 1965]). В итоге Драйзер провел в СССР около двух с половиной месяцев (ноябрь–февраль 1927–1928 гг.) и посетил столицы, Нижний Новгород, города центральной и южной Украины, Кавказ. Особым пунктом путешествия была поездка в Ясную Поляну, которая состоялась 27 ноября и произвела на писателя большое впечатление (Драйзер в один год со своей книгой о России опубликовал статью к 100-летию Толстого). При этом Драйзер побывал в России на исходе 20-х гг., накануне «года великого перелома» (1929), после которого резко переменялась как экономическая, так и идеологическая политика СССР. Таким образом, писателю опять-таки удалось уловить в своем травелогe эпоху, которая буквально через пару лет отошла в прошлое.

В путешествии по СССР Драйзера сопровождала его соотечественница, с начала 1920-х

жившая в России, известная журналистка и активистка, впоследствии детская писательница, Рут Кеннелл, которая помогала Драйзеру делать записи о поездке, фактически вела дневник за него. Кеннелл почти сразу стала его любовницей. Совмещать романтические отношения с деловыми было весьма характерно для Драйзера [Pizer 2017: 67]. Каждый день Драйзер просматривал написанное ею, редактировал, дополнял вставками из собственных записных книжек. При этом Кеннелл вела еще и особый, секретный дневник, который впоследствии помог ей написать книгу «Теодор Драйзер и Советский Союз» (1969).

Дневник, который Рут Кеннелл печатала для Драйзера на машинке, вместе с его собственными к нему дополнениями, был выпущен издательством Пенсильванского университета (1996). В этом издании текст Драйзера передан курсивом, а текст Кеннелл – прямым шрифтом, что дает возможность изучить, как их метод работы функционировал на практике. Несмотря на то что Кеннелл вела записи от лица Драйзера, увидеть, насколько по-разному они описывали, а зачастую и оценивали одни и те же события, не составляет труда.

Например, о посещении московских церквей и виде, открывающемся с Большого Каменного моста на Кремль, Кеннелл оставляет довольно краткую заметку: «На мосту через Москву-реку мы остановились, чтобы полюбоваться прекрасным видом на Кремль. Перейдя мост, мы <...> подошли к величественному собору с пятью огромными золотыми куполами – храму Христа Спасителя. <...> Этот великолепный собор был построен всего около 25 лет назад и сегодня является самой богатой из московских церквей» [Драйзер 2018: 52]. Культурологический акцент здесь понятен: задача Кеннелл – сохранить в первую очередь как можно больше фактов и деталей, которые сам Драйзер просто не успевал бы фиксировать. Самого же писателя этот эпизод побуждает отдаться потоку уже накопившихся московских впечатлений, и в одном абзаце умещаются у него и опера «Борис Годунов» (которую они с Кеннелл называют «оперой о царе Теодоре»), и исторические сведения об Иване Грозном, и впечатления от русского духовенства, и восхищение колокольнями и куполами, количество которых в Москве потрясло писателя... На подобные пассажи его вдохновляют не только красивые виды, но и сущие мелочи, например наблюдения за галками [Драйзер 1988: 259].

Тон вставок Кеннелл в значительной степени обусловлен ее личным отношением к советскому эксперименту, за успех которого она болела всей душой и которому посвятила значительную

часть своей жизни (подробнее о жизни Кеннелл в Советском Союзе можно прочесть в книге Джулии Микенберг «Американки в красной России» [Mickenberg 2017]). Драйзер же изначально был настроен по отношению к СССР скептически – на это указывают как его стремление противопоставить советской идее коллективизма собственный индивидуализм («Все знают, что я неисправимый индивидуалист, – а ведь это претит коммунистической идее как таковой, – потому-то Советское правительство и предложило мне посетить Россию и поглядеть на тамошнюю жизнь» [Dreiser 1928: 9]), так и рассказ критика и литературного функционера С. Динамова, из которого следует, что американский писатель был убежден в намерении советских властей обмануть его и показать ему СССР исключительно в выгодном свете [Динамов 1936]. Во время путешествия по России Драйзер и Кеннелл много спорили, и, судя по рецензии Кеннелл на книгу «Драйзер смотрит на Россию», в которой она продолжает с ним полемизировать, их разногласия так и не были до конца разрешены. Это чувствуется и в некоторых фрагментах «Русского дневника», где две точки зрения на СССР, восхищенная и критическая, подспудно соперничают друг с другом: «...Номера здесь большие, светлые и чистые, кровати застелены чистыми бельем и одеялами и выглядят комфортно. <...> Здесь работает небольшая агрономическая выставка, читаются лекции, в большом зале демонстрируются кинокартины и даются представления, проводятся экскурсии в музеях и т. д. Крестьянам – и это правильно – по прибытии предлагают принять ванну или посетить баню с парной. Если бы еще удалось убедить их делать то же самое каждый день...» [Драйзер 2018: 51].

Итак, книга «Драйзер смотрит на Россию» появилась из материала весьма неоднородного и противоречивого. Очевидно, работая после возвращения домой с записями Кеннелл и своими собственными, писатель подумывал составить об СССР путевые мемуары, отличные по тону и отбору материала от того, что получилось у него в «Драйзер смотрит на Россию», и предполагал создать нечто подобное предыдущим своим травелогам. Томас П. Риджио, автор вступления к книге «Русский дневник», полагает, что писатель отказался от этой идеи, когда внимательно перечел записи Кеннелл и осознал, какого рода художественные задачи перед ним стоят. Риджио пишет об этом с сожалением: «Книга “Драйзер смотрит на Россию”, вероятно, стала бы гораздо лучше, если бы он следовал своему обычному способу построения повествования вокруг отдельных частей путевых дневников, которые он

организовал в хронологическом порядке и связывал между собой анекдотами и личными размышлениями» [«Русский дневник» 2018: 6].

Действительно, «Драйзер смотрит на Россию» на предыдущие книги путешествий не похожа. Это книга социологическая, полная теоретических построений, – чуть ли не монография. У нее чрезвычайно выразительное оглавление: «Достижения постреволюционной России в политике и других областях», «Текущий экономический план Советского Союза», «Коммунизм: теория и практика», «Современное состояние крестьянского вопроса», «Русский рабочий: заводы и промышленность», «Женщины в современной России», «Религия в России», «Живопись, литература и музыка большевиков» (в двух частях) и т. д. Разумеется, именно такого очерка в первую очередь ждали от Драйзера по обе стороны океана. К «двум голосам» (самого Драйзера и Кеннелл) из «Русского дневника» присоединяется третий – голос Драйзера, который выступает в той самой роли «пророка», о которой мы упоминали выше. Он часто обращается к американскому читателю, «вовлекая» его в текст: «если бы вы увидели...», «вы бы могли подумать...», «может быть, у вас возникнет вопрос...» и т. д. При этом он постоянно подчеркивает, что высказывает именно свое, личное мнение: «я вас уверяю», «я гарантирую», «я убежден» и т. п. В книге практически ничего не говорится о мыслях и переживаниях Драйзера, не связанных с СССР, – ведь это работа не автобиографического порядка. Драйзер, въедливый и любознательный, изо всех сил старался изучить действительность и дать ей оценку, которой потом мог бы поделиться с соотечественниками, – и эта фактографическая и психологическая работа нашла свое воплощение также и в многочисленных интервью, которые Драйзер с готовностью давал по возвращении на родину [Kennell 1969: 5]. Но и Рут Кеннелл [Панов, Панова 2015], и Сергей Динамов [Динамов 1936] в один голос твердили, что по книге «Драйзер смотрит на Россию» трудно составить представление о том, как держал себя и как чувствовал американский писатель в Советском Союзе.

Собираясь Драйзер опубликовать «Русский дневник» или нет – в любом случае книга, вышедшая в 1996 г. под этим заглавием, дает возможность взглянуть на это путешествие с другой стороны. Драйзер здесь самоироничен, ворчлив, подчас даже равнодушен к происходящему вокруг. Здесь он часто рассуждает о собственном настроении, о своих взаимоотношениях с женщинами, о здоровье, о смерти, о работе, которая не касается путешествия, – и рассуждения эти нередко полны раздражения или горечи: «По до-

роге меня нагоняет тоска по родине. Я здесь – почти за 4000 миль от Нью-Йорка. Уже девять или десять дней, по крайней мере. И я заболел – может быть, серьезно. А вдруг – смертельно? А Хелен так далеко. И мне так плохо. Я чувствую себя совершенно несчастным и посылаю ей каблогранму из двадцати слов. О, если бы она была здесь. Несколько часов лежу в постели и чувствую себя сиротой – всеми отвергнутым, в углой лодчонке» [Драйзер 2018: 32].

Он кажется себе стареющим: «Даже самому старому человеку нужно дать какое-то занятие – ему нельзя дать почувствовать, что у него осталось только одно: смотреть. Он (Мюллер) думает, что это потребует больше мужества, чем есть у большинства стариков. В конце концов я объявляю, что это идеальное состояние для меня» [там же: 14].

Он записывает свои сны, и показательны как содержание снов, так и сам факт, что они вообще были записаны: «Утром – дождь; ночью – холодно и сухо. Мой бронхит, кажется, немного ослабил свою хватку. Прошлой ночью мне снился странный сон. В последнее время я чувствую себя довольно плохо и вяло. Первые симптомы возраста, как я понимаю. Но во сне я был восхитительно энергичным и веселым – в прежних возрасте и силе. Казалось, я находился в закрытом дворе, где были тропинки и трава, и на одной из тропинок я танцевал – почти обнаженный – с бутылкой вина в руке и второй бутылкой, которую я держал высоко над головой. Я радостно прыгал туда и сюда, переходил из одной танцевальной позиции в другую. Но вскоре я увидел, что ко мне подходит – или просто идет по другой тропинке – пожилой человек в темной одежде, такой типаж консерватора или ученого. И вдруг я немного испугался, как будто он мог что-то со мной сделать. Почувствовав это, я также понял, что именно он может сделать и как. И в тот же миг я проснулся» [там же: 103].

Поездка в Советский Союз была для Драйзера не просто любопытным опытом: живой интерес к острым вопросам социальной и политической жизни нового общества, который он проявлял уже в первых своих газетных заметках; решительный отказ верить в то, что на земле возможна «вселенская панацея», которая сделала бы всех счастливыми, – все это превращало столкновение с советским экспериментом в проверку жизненной философии, сформировавшейся у Драйзера к 56 годам. Посещение Советского Союза в 1925 г. значительно повлияло на дальнейшую жизнь Драйзера, который как репортер и публицист принимал участие в поддержке базирующихся шахтеров в начале 1930-х гг., а в 1945 г. даже вступил в Компартию США.

Три травелога Драйзера позволяют проследить, как Драйзер двигается от максимально обобщенного образа «американца в Европе» через историю собственной жизни, наложенную на американские пейзажи и реалии, к предельно автобиографическому «Драйзеру в России», усталому и больному, испуганному приближением старости и отправившемуся в далекую, чужую страну вопреки советам врачей и друзей в том числе потому, что интерес к новому, готовность идти на риск, исследовательский азарт и скептицизм – важнейшие черты его характера, определившие само содержание его жизни и потому способные отсрочить старость и смерть, мысли о которых уже начинают одолевать 56-летнего писателя.

Представляется также очевидным, что с образом автора, с анализом как текущих ощущений, так и воспоминаний во всех трех книгах соотносятся своеобразные лирические монологи, отдаляющие текст от схем документального повествования и наполняющие его приемами художественного письма, что позволяет говорить о двойственной жанровой форме этих текстов. Именно поэтому книги Драйзера о путешествиях так важны для понимания его личности и творчества в целом. Читая эти книги, мы не просто следуем за автором по туристическим маршрутам столетней давности: мы отправляемся в удивительное путешествие по миру человеческого разума.

Примечание

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ 19-312-90043/19 «Американские травелоги между двумя мировыми войнами: взгляд на “старую” Европу и “новую” Россию».

Список литературы

Динамов С. С. Лекция по американской литературе, прочитанная в Институте Красной Профессуры 21.4.1936 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1043. Л. 21.

Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка / пер. с англ. А. Николюкина, Б. Гиленсона. М.: Радуга, 1988. 416 с.

Драйзер Т. Русский дневник / пер. с англ. Е. Кручиной. М.: Эксмо, 2018. 569 с.

Засурский Я. Н. Теодор Драйзер. М.: МГУ, 1977. 224 с.

Панов С. И., Панова О. Ю. Послесловие к предисловию: материалы к истории (не)издания Т. Драйзера в СССР // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/?print=Y> (дата обращения: 05.05.2020)

Панова О. Ю. Образ России в американской культуре // На переломе: образы России прошлой

и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.) / ИМЛШ РАН. М.: Новый хронограф, 2011. С. 406–510.

Троцкий Л. Моя жизнь. М.: Вагриус, 2001. 572 с.

Риджис Т. Введение // «Русский дневник». М.: Эксмо, 2018. 569 с.

Федорова Л. Эта улица тоже ведь наша: свое и чужое в американских травелогах советских писателей // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 307–325.

A Theodore Dreiser Encyclopedia / ed. Keith Newlin. Westport: Greenwood Press, 2003. 456 p.

Adams P. G. *Travel Literature and the Evolution of the Novel*. Lexington: University Press of Kentucky, 1983. 382 p.

Anderson Sh. Dreiser // *The Little Review*. 1916. Vol. 3, № 2. Chicago: Margaret C. Anderson. P. 5.

Dreiser T. *A Hoosier Holiday*. Indiana: Indiana University Press, 1997. 560 p.

Dreiser T. *Complete Works of Theodore Dreiser*. Hastings: Delphi Classics, 2017. 11642 p.

Dreiser T. *Dreiser Looks at Russia*. N. Y.: Horace Liveright, 1928. 536 p.

Dreiser T. *Interviews* / ed. D. Pizer, F. E. Rusch. Chicago: University of Illinois Press, 2004. 204 p.

Dreiser T. *Traveler at Forty*. N. Y.: Cosimo Classics, 2005. 506 p.

Kennell R. *Theodore Dreiser and the Soviet Union*. N. Y.: International Publishers, 1969. 320 p.

Mickenberg J. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2017. 435 p.

Pizer D. Dreiser's Relationships with Women // *American Literary Realism*. 2017. Vol. 50, № 1. P. 63–75.

Swanberg W. A. *Dreiser*. N. Y.: Scribner, 1965. 614 p.

References

Dinamov S. S. *Lektsiya po amerikanskoy literature, pročitannaya v Institute Krasnoy Professury 21.04.1936 g.* [Lecture on American literature delivered at the Institute of Red Professors on 21.04.1936]. The Russian State Archive of Literature and Arts, fund 631, inventory 14, archival unit 1043, sheet. 21. (In Russ.)

Dreiser T. *Zhizn', iskusstvo i Amerika* [Life, art and America]. Transl. from English by A. Nikolyukin, B. Gilenson. Moscow, Raduga Publ., 1988. 416 p. (In Russ.)

Dreiser T. *Russkiy dnevnik* [Dreiser's Russian diary]. Transl. from English by E. Kruchina. Moscow, EKSMO Publ., 2018. 569 p. (In Russ.)

Zasurskiy Ya. N. *Teodor Drayzer* [Theodore Dreiser]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977. 224 p. (In Russ.)

Panov S. I., Panova O. Yu. Posleslovie k predisloviyu: materialy k istorii (ne)izdaniya T. Drayzera v

SSSR [The epilogue to the prologue: materials for the story of the (non) publication of T. Dreiser in the USSR]. *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya*. [New Russian Research in the Humanities], 2015, issue 10. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/?print=Y> (accessed 05.05.2020) (In Russ.)

Panova O. Yu. *Obraz Rossii v amerikanskoy kul'ture* [The image of Russia in American culture]. *Na perelome: obrazy Rossii proshloy i sovremennoy v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konets 20–nachalo 21 vv.)*. Kollektivnaya monografiya IMLI RAN [At the turning point: the images of Russia of the past and present in culture and literature of Europe and America (late 20th – early 21st centuries). Collective monograph of IWL RAS]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2011, pp. 406–510. (In Russ.)

Trotsky L. *Moya zhizn'* [My Life]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 572 p. (In Russ.)

Riggio T. Vvedenie [Introduction]. *Russkiy dnevnik* [Russian Diary]. Moscow, EKSMO Publ., 2018. 569 p. (In Russ.)

Fedorova L. *Eta ulitsa tozhe ved' nasha: svoe i chuzhoe v amerikanskikh travelogakh sovetskikh pisateley* [‘This street is also ours’: familiar and alien in Russian author's American travelogues]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2017, issue 3, pp. 307–325. (In Russ.)

A Theodore Dreiser Encyclopedia. Ed. by Keith Newlin. Westport, Greenwood Press, 2003. 456 p. (In Eng.)

Adams, Percy G. *Travel Literature and the Evolution of the Novel*. Lexington, University Press of Kentucky, 1983. 382 p. (In Eng.)

Anderson Sh. Dreiser. *The Little Review*, 1916, vol. 3, issue 2, pp. 5 (In Eng.)

Dreiser T. *A Hoosier Holiday*. Indiana, Indiana University Press, 1997. 560 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Complete Works of Theodore Dreiser*. Hastings, Delphi Classics, 2017. 11642 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Dreiser Looks at Russia*. New York, Horace Liveright, 1928. 536 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Interviews*. Ed. by D. Pizer, F. E. Rusch. Chicago, University of Illinois Press, 2004. 204 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Traveler at Forty*. New York, Cosimo Classics, 2005. 506 p. (In Eng.)

Kennell R. *Theodore Dreiser and the Soviet Union*. New York, International Publishers, 1969. 320 p. (In Eng.)

Mickenberg J. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago and London, The University of Chicago Press, 2017. 435 p. (In Eng.)

Pizer D. Dreiser's Relationships with Women. *American Literary Realism*, 2017, vol. 50, issue 1, pp. 63–75. (In Eng.)

Swanberg W. A. *Dreiser*. New York, Scribner, 1965. 614 p. (In Eng.)

**THEODORE DREISER'S AUTOGEOGRAPHY:
THREE TRAVELOGUES ABOUT FOUR WORLDS**

Daria D. Kuzina

Postgraduate Student, Research Assistant

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Rusia. ketrivenia@gmail.com

SPIN-code: 6791-2011

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3645-5544>

ResearcherID: AAF-5353-2019

Submitted 02.12.2019

The article provides a comparative analysis of the three travel books by Theodore Dreiser: *A Traveler at Forty* (1913), *A Hoosier Holiday* (1916), and *Dreiser Looks at Russia* (1928). The last one is also correlated with the publication of Theodore Dreiser's *Russian Diary* by the University of Pennsylvania in 1996. The history of writing the book about the USSR and publishing it in Russia has been studied and commented on in sufficient detail by modern researchers. This article is the first attempt in literary criticism to compare the three books. The study presents not only a comparative but also a textual analysis of these travelogues, discovers patterns linking the books both chronologically and stylistically and turning them into a kind of autobiographical trilogy. For Dreiser, the study of three worlds (European, American and Soviet) is inseparable from the study of the fourth world – the world of his own consciousness. The analysis of the three travel books is provided in a biographical context, which allows a deeper and more thorough analysis of their factual and emotional content. The focus of the study is the problem of Theodore Dreiser's self-identification as a writer and as American, which formed being influenced by travel impressions received during trips to European countries, including Germany – Dreiser's historical homeland, America, including his native state Indiana, and across Soviet Russia on the eve of the so-called 'great turning point'. Based on the study conducted, there are expressed some theoretical considerations regarding the interaction between the concepts of stereotype and reality in the space of literary text, and also the correlation between documentary and artistic principles in a travelogue. The article presents excerpts from *A Traveler at Forty* and *A Hoosier Holiday* translated into Russian. These travelogues have never been translated and published in Russia.

Key words: Theodore Dreiser; travel literature; 20th-century literature; American literature; USSR.